

Г. А. Брутян

О природе и значении контекста*

Контекст может быть рассмотрен с разных точек зрения: философской, лингвистической, логической и т. д. В данной статье контекст рассматривается в аспекте общей логики, что, конечно, не только не исключает, но в отдельных вопросах предполагает необходимость прибегнуть к смежным аспектам анализа контекста.

К выяснению природы и значения контекста языковеды и философы обращаются чаще всего для решения вопроса о значении слова (высказывания). При оценке роли контекста в выяснении значения слова в лингвистической литературе исходят из двух различных концепций.

Согласно первой концепции, слова вне контекста обычно не имеют точного значения, являются многозначными. Вторая же из них утверждает, что многозначность слов возникает именно в контексте, вне контекста же слова имеют определенное значение.

Первую концепцию в советской лингвистической литературе защищают, в частности, проф. Р. А. Будагов и проф. А. А. Реформатский. Они считают, что многозначность характерна для большинства слов самых разнообразных языков и только контекст всякий раз устраняет полисемию¹. Такого же мнения придерживается швейцарский языковед Шарль Балли².

Абсолютизация этой идеи ведет к выводу о том, что слова вне контекста вообще не имеют значения. Такая точка зрения ныне защищается сторонниками философии общей семантики, хотя она и не представляет чего-то нового. Еще А. А. Потебня утверждал, что «значение слова возможно только в речи. Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических ни, тем более, формальных свойств, потому что их не имеет»³. Этот тезис в развернутой форме ныне выдвигают Хайакава, Чейз и другие семантические идеалисты. «Слова сами по себе ничего не значат,— заявляет Чейз,— они не что иное, как символы подобно X и V⁴». Эта же мысль защищается единомышленником

* Редакция считает желательным высказывание наших лингвистов по этой проблеме.

¹ См. Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. Учпедгиз, 1958, стр. 14, 15, 47, 222—223 и др.; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. Учпедгиз, 1955, стр. 77—78.

² Шарль Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка, ИЛ, 1955, стр. 194.

³ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I, изд. 2, Харьков, 1888, стр. 32.

⁴ St. Chase: The Tyranny of Words. New York, 1938, p. 167.

Чейза—Хайакавой. «Сказать догматически, что мы знаем, что означает слово *заранее*, до его высказывания,— это чепуха»⁵,— категорически заявляет он. Подобно Чейзу, Хайакава утверждает, что одно и то же слово для разных людей означает разные вещи⁶.

«Контекст высказывания определяет его значение»⁷,— заключает Хайакава. Ставя значение слова (высказывания) «в зависимость от говорящего и от контекста», общие семантики в конечном итоге приходят к прагматистскому выводу о том, что значение слова (высказывания) определяется тем, кто произносит его, к кому обращено оно и какую цель преследует произносящий. В «Вводных лекциях по общей семантике» Ф. Чисхолм пишет, что «значение слова зависит исключительно от субъекта, его произносящего»⁸. В философии языка союзницами общей семантики выступают этнолингвистика и глоссематика. И не случайно совпадение взглядов трех названных направлений по вопросу взаимоотношения значения слова (высказывания) и контекста. Представитель современной этнолингвистики Бенжамен Уорф утверждает: «Все мы допускаем ошибку, когда считаем, как это обычно имеет место, что есть слова, имеющие точное значение. Высший дух имеет дело с символами, которые не имеют твердой соотнесенности с чем бы то ни было, они представляют пустые чеки, которые можно заполнить, исходя из нашего удобства»⁹. Основатель глоссематики Л. Ельмслев считает, что «любое знаковое значение возникает в контексте, под которым мы понимаем ситуационный или эксплицитный контекст, неважно какой, поскольку в неограниченном или продуктивном тексте (живом языке) мы всегда можем превратить ситуационный контекст в эксплицитный контекст»¹⁰.

Точка зрения, согласно которой слова вне контекста не имеют никакого значения, что они приобретают значение лишь в контексте, который также имеет индивидуальный характер, а потому и контекст не может придать точного значения слову,—основывается на лингвистическом релятивизме. Не вызывает удивления, что эта концепция распространяется ныне философией общей семантики, ибо релятивизм является одним из краеугольных камней семантического идеализма. Лингвистический релятивизм общих семантиков есть частное выражение их общепhilosophического релятивизма.

Но даже умеренное высказывание о том, что слова вне контекста обычно полисемантичны и многозначность слов устраняется контекстом, вызывает возражение у некоторых языковедов, которые считают, что сло-

⁵ S. I. Hayakawa. *Language in Thought and Action*. New York, 1949, p. 61.

⁶ *Ibid.*, p. 62—63.

⁷ *Ibid.*, p. 60, 292.

⁸ Fr. Chisholm. *Introductory Lectures on General Semantics*. Lakeville, Conn. 1947, p. 59.

⁹ B. L. Whorf. *Language, Thought and Reality*. Edited by I. Carrole. New York, 1956, p. 258.

¹⁰ «Новое в лингвистике», вып. I. Составление, редакция и вступительные статьи В. А. Звегинцева. М., ИЛ., 1960, стр. 303—304.

во (высказывание) вне контекста обычно имеет определенное значение и новые значения приобретает в контексте. «Тот факт,— пишет польский языковед Е. Р. Курилович,— что значение слова составлено из элементов самостоятельных плюс элементов, придаваемых ему контекстом («полем употребления»), К. Бюлер иллюстрирует (*Sprachtheorie*, 1934, стр. 180—181) следующей аналогией: долгота музыкального тона дана с самого начала формой ноты, но высота его обусловлена позицией ноты в отношении к окружающим нотам»¹¹. В статье «Многозначность слова» А. В. Ефремов придерживается того взгляда, что «отдельное слово как единица лексического состава и вне контекста воспринимается с одним значением»¹². По его мнению, правильнее считать, что контекст не устраняет, а, наоборот, создает полисемию слова. В качестве доказательства своего тезиса А. Ф. Ефремов приводит несколько примеров. Слово «взять» имеет до пятидесяти значений в разных словосочетаниях, но никто не воспринимает его одновременно со всеми этими значениями вне контекста. Вне контекста, т. е. вне связи с другими словами, оно воспринимается лишь с одним значением, говорящим об определенном процессе («схватить»), т. е. с основным своим значением; добавочные же значения осознаются только в соответствующих контекстах»¹³.

Нам представляется, что в данном вопросе вряд ли могут быть приемлемы в безоговорочной форме как первая, так и вторая концепции, не говоря уж о в корне ошибочной релятивистской точке зрения общих семантиков. При решении вопроса взаимоотношения слова и контекста необходим дифференцированный подход. Существует множество слов, которые на данном уровне развития языков вне контекста безусловно являются полисемантическими, и их точное значение определяется в связи с другими словами, словосочетаниями и предложениями, в контексте. В то же время многие слова, имеющие определенное значение вне контекста, приобретают новые значения именно в контексте. Однако и в последнем случае каждый раз в контексте они употребляются совершенно однозначно, в определенном смысле.

Но независимо от того, полисеманлично ли слово вне контекста или же полисемантичность появляется в контексте, контекст имеет огромное познавательное значение (и это не берется под сомнение ни одним из сторонников противоположных точек зрения).

Заметим также, что в трудах языковедов контекст в письменной или устной речи называется словесным контекстом или определяется как словесное окружение данного слова¹⁴. Такое определение у лингвистов оче-

¹¹ Е. Р. Курилович. Заметки о значении слова. «Вопросы языкознания», 1955, № 3, стр. 74.

¹² «Русский язык в школе», 1957, № 3, стр. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ См. Р. А. Будагов. Введение в науку о языке, стр. 14; А. А. Реформатский. Введение в языкознание, стр. 77.

видно обусловлено тем, что смысл контекста они, как правило, усматривают в установлении точного значения слов. Однако контекст (как в письменной, так и в устной речи) выполняет не только эту функцию. Контекст выявляет точное содержание мыслей, логических категорий. При рассмотрении контекста с этой точки зрения назовем его *логическим* контекстом. Логический контекст можно определить как взаимосвязь мыслей, которая дает возможность установить точное значение, логическое содержание всех мыслей, категорий, имеющих в данной взаимосвязи.

Логический контекст может быть ограничен суждением, он может иметь протяженность одного абзаца, как и целых глав, целой книги, и даже книг. В литературе разные авторы по-разному называют такие контексты. По аналогии с математической логикой, где элементарные, или основные, высказывания ($x, y, z...$) называются атомарными высказываниями, а сложные высказывания [$x \wedge y, (x \rightarrow y) \sim (x \vee y)...$] — молекулярными высказываниями, контекст, совпадающий с одним суждением, назовем атомарным логическим контекстом, контекст же, выходящий за пределы одного суждения и занимающий абзацы, страницы, главы книг (соответственно речи) назовем молекулярным логическим контекстом.

Иногда уже словосочетание придает однозначность полисемантическому слову. Например: «совершенный вид глагола», «опрятный вид собеседника». В обоих случаях «вид» выражает различные понятия, однако многозначность слова «вид» устраняется, в данном случае, соответствующими словосочетаниями. Следовательно, контекст здесь ограничен словосочетанием. Такой контекст назовем контекстом-указателем.

Бывают также случаи, когда словосочетание устанавливает значение слова в первом приближении; дальнейшее его уточнение осуществляется предложением, в составе которого выступает данное словосочетание, затем абзацем, элементом которого является данное предложение и т. д. В этих условиях роль контекста для слова непосредственно выполняет словосочетание, для словосочетания — предложение, для предложения — абзац, для последнего — страница и т. д. В то же время, и словосочетание, и предложение, и абзац, и страница и т. д. выступают, конечно, как контексты для данного слова. Однако эти контексты являются контекстами разных уровней или степеней.

Если контекст в письменной речи ограничивается определенными страницами данного произведения (брошюры, книги), его можно назвать микроконтекстом. Если же для выяснения точного содержания рассматриваемой мысли, категории требуется анализ контекста всей книги (или книг), такой логический контекст можно назвать макроконтекстом.

Обратимся теперь к конкретному анализу логического контекста и выяснению его роли*.

В третьей сцене трагедии Шекспира «Гамлет» имеется такой диалог:

* Для этой цели в статье приводятся иллюстрации из художественной литературы. При этом специально не рассматривается специфика поэтического слова.

«Королева
 Зачем отца ты оскорбляешь, Гамлет?
 Гамлет
 Зачем отца вы оскорбили, мать?
 Королева
 Ты говоришь со мной, как невежа.
 Гамлет
 Вы спрашиваете, как лицемер».

Если ограничиться этим отрывком, то создается впечатление, что речь идет об одном и том же лице, которого королева оскорбляла в прошлом и Гамлет оскорбляет теперь, что, конечно, неверно. Учитывая же логический контекст, становится совершенно понятным, что под словом «отец» королева имеет в виду своего нового супруга — дядю Гамлета, Гамлет же — своего убитого отца — прежнего супруга королевы.

Нет необходимости в новых примерах (их легко можно привести из самых различных отраслей), доказывающих, что посредством логического контекста всегда можно установить точное значение, логическое содержание понятий.

Значение логического контекста далеко не исчерпывается указанным обстоятельством.

В зависимости от того, учитывается ли логический контекст или нет, можно по-разному истолковать одни и те же логические категории, отношения и т. д. Это говорит о том, что логический контекст является проблемой металогики.

Известно, что в формальной логике понятия делятся на сравнимые и несравнимые. Сравнимыми будут, например, понятия «карандаш» и «писчая бумага»; «черное» и «белое». Примерами несравнимых понятий могут быть: «молоко» и «южный ветер»; «рифма стиха» и «губная помада» и т. д. Справедливость такого деления вне логического контекста не вызывает сомнений. Однако рассмотрение понятий в логическом контексте показывает, что несравнимые понятия могут оказаться сравнимыми. Между «литературой» и «конскими скачками» не имеется каких-либо непосредственных общих свойств и при классификации их в формальной логике они, очевидно, должны быть отнесены к несравнимым понятиям. Однако герой рассказа О. Генри «Рука, которая терзает весь мир» сравнивает эти два понятия, и в данном контексте они безусловно становятся сравнимыми. Джефф спрашивает у Билла:

«...Что имеет больше цены для человечества — литература или конские скачки? — Э-э...гм...ну, разумеется, хорошие лошади... то есть я хотел сказать поэты и всякие там великие писатели,—те, конечно, идут впереди,—говорит Билл.

— Вот именно,— говорю я. — А если так, то почему же наши финансовые и гуманитарные гении берут с нас два доллара за вход на ипподром, а в библиотеки пускают бесплатно?

Можно ли,— говорю я,— назвать это внедрением в массы правильного понятия об относительной ценности двух вышеупомянутых способов самообразования и разорения!».

Логический контекст рассеивает иллюзию о том, что деление в формальной логике понятий на тождественные (равнозначные), подчиненные и перекрещивающиеся является абсолютным и опирается на знание их объема. Это можно проиллюстрировать на примере следующего отрывка из стихотворения «Комсомольская» Маяковского:

«Строит,
                   рушит,
                                   кроит
   и рвет,
 тихнет,
                   кипит
                                   и пенится,
 гудит,
                   говорит,
                                   молчит
   и ревет —
 юная армия:
                   ленинцы».

В данном контексте понятия «юная армия» и «ленинцы» автор употребляет, конечно, как тождественные понятия, что особенно ясно из пунктуации, хотя вне контекста объемы этих понятий не совпадают полностью.

Логический контекст имеет исключительное значение при определении взаимоотношения понятия и суждения. Дело в том, что при помощи слова или словосочетания можно выразить не только понятие, но и суждение. А что именно выражено (в указанном смысле) в данном слове (словосочетании), невозможно определить без строгого учета контекста.

«На площадь выводит меня Краснобай.
 По вывескам судя, попали мы в рай:
 «Раймаг», «Райзагот», «Райпотреб», «Райаптека»,
 И даже «Районная библиотека»».

(Степан Олейник).

Данный логический контекст совершенно ясно показывает, что каждая из этих аббревиатур («Раймаг», «Райзагот», «Райпотреб» и т. д.) выражает целое суждение («Это есть раймаг», «это есть райзагот» и т. д.). Между тем как, если отвлечься от контекста и просто перечислить аббревиатуры, то они выразят только понятия. Конечно, из этого нельзя сделать вывод, что слово или словосочетание в контексте выражают суждения, а вне контекста — понятия. Такой вывод был бы в корне ошибочным. Именно контекст показывает, в каком случае мы имеем дело с понятиями и в каком — с суждениями (когда они выражены словами или словосочетаниями). Если в качестве примеров слогового типа аббревиатуры мы перечислим вышеприведенные слова «Раймаг», «Райпотреб» и т. д., то уже данный логический контекст совершенно точно покажет, что они выражают понятия, а не суждения.

Средствами формальной логики невозможно определить структуру суждения, если оно выражено словом или словосочетанием. Если для определения вопроса о том, выражает данное слово (словосочетание) понятие или суждение, необходимо прибегнуть к контексту, то тем более мы должны обращаться к последнему для выявления структуры такого суждения. Это хорошо видно из следующего примера:

«Селенья, нивы, поле, костел, окоп, река...
Казачье становье на склоне у леска.

Табун свободных коней, походных кухонь дым;
Заполнен луг движеньем запутанно-цветным;

Толпа котлы обстала; смех, говор, песня, крик...
Как просверкали ярко верхи железных пик;...».

(В. Брюсов).

Очевидно, что слова «селенье», «нивы», «поле», «смех», «говор», «песня», «крик» и т. д. в *данном* случае выражают не понятия, а определенные суждения. И так как каждое суждение состоит из субъекта и предиката, то возникает необходимость их показа в данных суждениях. Если исходить из традиционного определения субъекта как понятия о предмете рассуждения и предиката как понятия о свойстве, которое либо утверждается, либо отрицается в отношении предмета, то мы окажемся перед тупиком, ибо приведенные суждения состоят лишь из одного понятия.

Во всех тех случаях, когда суждение выражено в слове или словосочетании, лишь предикат облекается в форму понятия, субъектом же является форма чувственного познания. Однако какая именно конкретная форма чувственного познания, это мы опять-таки выясняем лишь посредством контекста. В данном случае, как показывает логический контекст, свойства «быть селеньем», «быть нивами», «быть полем» и т. д. приписываются тем восприятиям, которые возникают у поэта. Следовательно, в суждении «селенье» субъектом является восприятие определенного фрагмента действительности, предикатом же — понятие «селенье»; аналогично в суждении «нивы» — субъект — восприятие конкретного фрагмента действительности, а предикат — понятие «нивы» и т. д.

Но разбираемый логический контекст показывает также, что не во всех суждениях, выраженных словом, субъектом является восприятие. Так, в суждениях «смех» или «крик» субъектом может быть ощущение смеха (и соответственно крика). Равным образом в суждениях такой природы субъектом может быть также представление конкретного фрагмента действительности. При всех случаях, вопрос о том, выступает ли субъект суждения в форме понятия или в форме чувственного познания, а равно и о том, какой конкретный вид приобретает последняя, решается в контексте, посредством контекста.

Услышав возглас «улетел!», обращая внимание на то, что улетело, на того, кто произносит «улетел», мы, безусловно, убеждаемся, что единственно произнесенное слово «улетел» выражает целостное суждение, хотя

здесь нет словесного окружения для слова «улетел», нет системы, взаимосвязи выраженных мыслей, которая дала бы возможность установить точное логическое содержание, значение единственно выраженной мысли — «улетел». Иными словами, здесь отсутствует *логический* контекст и, тем не менее, мы точно устанавливаем, и без особого труда, совершенно определенное значение возгласа «улетел». Это происходит потому, что хотя в данном случае отсутствует *логический* контекст, тем не менее имеется *контекст*, причем довольно определенный контекст, что дает возможность легко определить логическое содержание возгласа «улетел». Это — учет конкретной ситуации, учет всех условий, в которых происходит событие, контекст-ситуация (иначе его называют бытовым контекстом), а еще точнее — *физический* контекст.

Физический контекст не только дает возможность легко определить, выражено ли в данном случае словом понятие или суждение, но и выявить структуру, составные элементы такого суждения. Так, в приведенном выше случае физический контекст совершенно определенно показывает, что словом «улетел» выражено целостное суждение, субъектом которого является восприятие определенного предмета (самолет, шар и т. д. — это явствует из контекста), предикат же — понятие «улететь».

Физический контекст очень хорошо может помочь раскрытию структуры суждения, конечно, и в том случае, если оно выражено в форме предложения. Более того, при отсутствии достаточного логического контекста, физический контекст — единственное средство для выполнения названной задачи. Как это осуществляется, покажем на следующем примере.

Предположим, в клинической аудитории, на анализе истории болезни больного Иванова профессор разъясняет, что в результате операции Иванова в принципе возможны следующие случаи: частичная потеря трудоспособности, полная потеря трудоспособности, смерть. Исход зависит от состояния организма больного Иванова. В это время открываются двери соседней комнаты — операционной и в аудиторию заходит медсестра. Все взоры присутствующих направлены на медсестру, все хотят знать — что случилось с Ивановым, каков исход операции. И медсестра сообщает: «Иванов *скончался*».

Как совершенно ясно из физического контекста, до появления медсестры речь шла об Иванове, судили о нем. Понятие «Иванов», следовательно, в данном случае является субъектом суждения. Сообщение медсестры приписало свойство предмету нашего рассуждения. Выяснилось, что он *скончался*. Следовательно, понятие о последнем свойстве, приписываемом Иванову, будет предикатом данного суждения.

Теперь предположим, в аудиторию, где происходит лекция, доносятся крики: «скончался, скончался...». Все присутствующие хотят знать, кто скончался. И в ответ на их вопрос, медсестра сообщает: «*Иванов* скончался». Как явствует из физического контекста, предметом нашего рассуждения было событие — «скончался», мы рассуждали об этом явлении. А, следовательно, понятие «скончался» будет субъектом данного суждения. Из сообщения медсестры мы узнали, что *Иванов* скончался, т. е. свойство,

которое мы приписываем предмету нашего рассуждения, будет Иванов. Значит понятие «Иванов» и есть предикат *данного* суждения.

Логическое описание всего этого события может заменить физический контекст, становясь логическим контекстом.

При всех случаях контекст (физический или логический) показывает ограниченность формально-логического понимания данного вопроса, понимания, согласно которому в любом суждении субъект и предикат являются взаимно непереходящими полярными противоположностями. В зависимости от контекста одно и то же простое нераспространенное предложение может выражать два различных суждения (а распространенные — несколько суждений), где субъект и предикат взаимно обратимы.

По сравнению с логическим контекстом физический контекст гораздо легче и полнее раскрывает точное значение, логическое содержание высказанных мыслей. И это естественно. Логический контекст — это отражение физического контекста. В смысле полноты передачи, способности раскрытия мыслей, логический контекст в лучшем случае может лишь максимально *приблизиться* к физическому контексту. Тем не менее в познавательном значении огромна роль логического контекста. Мы далеко не всегда можем быть свидетелем и участником явлений и процессов, изучаемых нами, и в этих случаях мы довольствуемся изучением логического описания, анализа, интерпретации работ, посвященных этим явлениям и процессам. Естественно, что в этих случаях при уточнении логического содержания изучаемых мыслей мы должны довольствоваться логическим контекстом, не забывая, однако, об относительной ограниченности последнего.

Не сомневаясь в том, что В. И. Качалов как артист имеет несомненные преимущества в чтении, Вл. Маяковский писал:

«...Хорошесть авторской читки не в актерстве. В. И. Качалов читает лучше меня, но он не может прочесть так, как я.

В. И. читает:

Но я ему,—
на самовар!

Дескать, бери самовар (из моего «Солнца»).

А я читаю:

Но я ему...
(на самовар).

(указывая на самовар). Слово «указываю» пропущено для установки на разговорную речь».

Это, конечно, грубый пример, что, впрочем, отмечает и сам В. В. Маяковский. Однако одно несомненно. Сам автор стихотворения (художественного произведения вообще) лучше раскрывает содержание своего произведения, чем артист при прочих равных условиях, если даже он гораздо лучший чтец, чем автор. В данном случае автор произведения не только полностью опирается на логический контекст, что, впрочем, может делать и чтец, но и к логическому контексту он мысленно призывает на помощь и физический контекст, реальную ситуацию событий, отражением которых является его произведение. Конечно, и чтец воссоздает физиче-

ский контекст. Однако последний есть плод его фантазии, который часто может уступать первоначальному физическому контексту произведения, пусть даже созданному только творческим воображением автора.

Совместный учет физического и логического контекста еще глубже и полнее раскрывает мысль, значение и логическое содержание наших мыслей, замыслов.

Это в принципе признают и сторонники общей семантики. «Заранее мы можем,— пишет Хайакава,— знать только *приблизительно*, что будет означать это слово. После высказывания мы истолковываем сказанное в свете как словесного, так и физического контекстов и действуем в соответствии с нашим толкованием»¹⁵. И далее: «Следовательно, толкование *должно быть* основано на совокупности контекстов»¹⁶. Однако объяснение, которое они дают роли словесного (точнее-логического), а равно и физического контекста в деле установления значения слова (высказывания) нельзя считать правильным.

По мнению Хайакавы, исследование как самого высказывания, так и его контекста направляет нас к интенциональному значению, исследование же физического контекста приводит нас к экстенциональному значению. Заметим, что с точки зрения общих семантиков, экстенциональное значение слова (высказывания) является основным его значением, так сказать, его предметным значением. Интенциональное же значение — это сопутствующее значение слова (высказывания).

В такой интерпретации налицо противопоставление логического и физического контекстов и объединение роли логического контекста в деле установления точного значения слова (высказывания), как и вообще точного логического содержания любой категории мысли. Ведь если логический контекст устанавливает лишь интенциональное значение, то он ничего не говорит об основном значении данного слова или высказывания. На самом деле, логический контекст, будучи описанием и интерпретацией физического контекста, прежде всего устанавливает точное экстенциональное значение.

В этом смысле нет разницы и тем более не может быть противопоставления между логическим и физическим контекстами. Оба они прежде всего устанавливают точное экстенциональное значение слова (высказывания). В то же время неверно и то, что установление интенционального значения входит только в задачу словесного или логического контекста. Разве в самой ситуации, в физическом контексте не участвует действующее лицо, субъект? Употребление им в том или ином значении слова (высказывания), конечно, можно рассмотреть в свете так называемого автономного словесного контекста. Но этот последний в данных условиях является составным компонентом физического контекста, если действующее лицо выступает как один из элементов сложного процесса событий. С этой

¹⁵ S. I. Hayakawa. *Language in Thought and Action*, p. 61.

¹⁶ *Ibid.*, p. 62.

точки зрения и физический контекст устанавливает точное интенциональное значение слова (высказывания).

Строгий учет контекста существенно влияет также на наше понимание взаимоотношения суждения и предложения.

Известно, что вопросительное предложение риторического характера непосредственно выражает суждение. Однако выяснить, какие вопросительные предложения являются предложениями риторического характера и какие нет, то есть, какие из них непосредственно выражают суждения и какие нет, можно только в контексте.

Все стихотворение А. С. Пушкина «Клеветникам России» свидетельствует о том, что вопросительные предложения:

«Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас?».

являются предложениями риторического характера и непосредственно выражают категорические суждения: «Нам с Европой спорить не ново», «русский от побед не отвык», «нас не мало».

Игнорирование контекста (независимо от того, он — физический или логический) приводит иногда к курьезным последствиям, иллюстрацией чего может служить следующий пример из педагогической практики.

В университетской аудитории, разбирая вопрос взаимоотношения вопросительного предложения и суждения, в качестве примера риторического вопросительного предложения лектор привел следующее: «Кому из вас не известно, что совокупность производственных отношений составляет реальный базис общества?». Студенты до этого уже проходили исторический материализм и пример лектора восприняли со знанием — как вопросительное предложение риторического характера. Спустя некоторое время, одна из студенток, проходя педагогическую практику в X классе средней школы, при объяснении взаимоотношения предложения и суждения в качестве иллюстрации риторического вопросительного предложения привела тот же пример. И она была страшно смущена, когда в ответ на ее предложение: «Кому из вас не известно, что совокупность производственных отношений составляет реальный базис общества?» все ученики подняли руки, показывая, что никто из них этого не знает еще. Таким образом, то, что было вопросительным предложением *риторического* характера для студентов пятого курса, стало *простым вопросительным* предложением для учеников десятого класса. Студентка-практикант не учла этого существенного изменения ситуации, контекста.

Проблема логического контекста имеет не только теоретическое значение. Знание и учет логического контекста чрезвычайно важны в таких областях, как перевод научной и художественной литературы, раскрытие сценического образа и т. д.

Чтобы перевести, переводчик должен прежде всего раскрыть логический контекст данного произведения, провести логический анализ, выяснить точное значение каждого понятия, суждения, каждой категории с

тем, чтобы найти аналог выражения в другом языке. От логического разбора переводимого произведения зависит очень многое. «Творческая интуиция», поэтическое вдохновение здесь еще не решают вопроса. Перевод даже сугубо лирического произведения — это не только поэтический труд, но и сложный процесс, который вместе с первым сочетает в себе элементы научной работы. Переводчик, в особенности художественной литературы, наряду с логическим содержанием переводимого произведения должен передать, и это не менее важно, эмоциональную окраску мыслей, их чувственную природу. С точки зрения логического содержания, нет разницы, например, между повествовательным и риторическим вопросительным предложениями, ибо они выражают утверждение или отрицание, т. е. суждение. Однако на этом основании не всегда является целесообразным перевод суждения, выраженного в форме повествовательного предложения, посредством вопросительного предложения риторического характера и наоборот. В то же время переводчик — поэт, исходя из возможностей своих поэтических средств, прибегает к такой замене, что не может вызвать возражений лишь в том случае, если он строго учел логический контекст. Ведь вне контекста еще не ясно — является ли данное вопросительное предложение риторическим, а, следовательно, по логическому содержанию равносильно повествовательному предложению или нет.

В рассматриваемом аспекте исключительный познавательный интерес представляет стихотворение Дж. Байрона «Fill the Goblet Again» («Наполний стакан еще раз»). Ввиду большого размера стихотворения (32 строки) не представляется возможным воспроизвести его здесь. Остановимся лишь на одной его поэтической специфике. Основная идея поэта выражена в каждой третьей строке каждого четверостишия и во всех случаях последовательно (8 раз) она облечена в форму вопросительных предложений, которые во всех этих случаях имеют риторический характер и непосредственно выражают категорические суждения («Let us drink! — who would not?, "I have loved! — who has not?, "I had friends! — who has not?», "Thou grow'st old — who does not?"* и т. д.).

Случайно ли такое совпадение по форме? Конечно, нет. Как большой мастер слова, Байрон прекрасно понимал, что, с точки зрения эмоционального воздействия, мысль, выраженная в повествовательном предложении и в риторическом вопросительном предложении, играет далеко не одинаковую роль. Функции повествовательных и вопросительных (а равно и восклицательных, побудительных) предложений различны. Первые выражают мысль в своей строгой форме — посредством констатации — утверждения или отрицания. Вторые же в основном выражают чувства, эмоции волю, стремление говорящего выяснить нечто новое. Облекая каждый раз свою идею в форму риторических вопросительных предложений, Байрон решал две неразрывные, в данном случае, между собой задачи. Эти предложения по существу непосредственно выражают категорические сужде-

* «Давайте выпьем! — Кто не пьет?», «Я любил! — Кто не любил?», «Я имел друзей. — Кто не имел?», «Ты стареешь. — Кто не стареет?».

ния, однако их форма придает сильную эмоциональную окраску основным суждениям автора. Именно своей эмоциональностью и отличается художественное слово от других.

Неслучайно, что переводчикам не всегда удастся сохранить специфику байроновского стиха (см. переводы В. Зотова, В. Левика и др.).

Логический контекст дает возможность переводчику при необходимых случаях пользоваться законом тавтологии. Под законом тавтологии при переводе мы понимаем следующее: при переводе переводчик может в необходимых случаях одно и то же понятие (как и суждение) оригинала повторять несколько раз или же, наоборот, повторяемое в оригинале понятие (суждение) использовать лишь один раз. Эту закономерность можно рассматривать как экстраполяцию соответствующего закона математической логики на область переводческого искусства, а именно: если в конъюнкции или дизъюнкции какой-либо член повторяется несколько раз, его можно писать только один раз и наоборот, если конъюнктивный или дизъюнктивный член встречается один раз, при надобности его можно записать несколько раз.

В известной поэме Лонгфелло «Песня о Гайавате» читаем:

Ye who love a nation's legends,
Love the ballads of a people,
That like voices from after off
Call to us to pause and listen...*

В переводе Ивана Бунина эти строки звучат:

«Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью...».

В переводе этого отрывка в отличие от оригинала одно и то же понятие повторяется дважды («голос дней минувших» равнозначно понятию «голос прошлого»). Переводчик прибег здесь к закону тавтологии при переводе для сохранения внутренней структуры стиха.

Применение закона тавтологии при переводе можно осуществить различно. Можно, например, повторить одно и то же понятие одним и тем же словом и этим самым усилить эмоциональный эффект. Можно и одно и то же понятие выразить различными словами, придав разнообразие речи. Последний случай имеет место в разбираемом выше отрывке из «Песни о Гайавате».

В рамках одной статьи, где разбираются различные аспекты логического контекста, невозможно, конечно, остановиться в полной мере на роли контекста в искусстве перевода. Здесь отметим лишь еще одно обстоятельство.

Учет логического контекста имеет важное прикладное значение в машинном переводе. Не случайно, что к этому вопросу теперь направлены взоры многих исследователей машинного перевода. Виктор Г. Ингве заме-

чает, что «одна из самых серьезных трудностей пословного перевода состоит в том, что одно слово в языке, с которого переводят, может иметь несколько значений в языке, на который переводят»¹⁷. В то же время он подчеркивает, что «информация, необходимая для решения проблемы многозначности, содержится в контексте»¹⁸. Извлечение этой информации из контекста В. Г. Ингве считает одной из задач в осуществлении машинного перевода. Проблема контекстной омонимии рассматривается в статье С. С. Белокриницкой и др. «Различные типы омонимии и способы их различения при машинном переводе»¹⁹. Для машинного перевода важно выявление логической структуры контекста, тех формальных признаков, посредством которых расшифровывается логический контекст²⁰.

Считая роль логического контекста в машинном переводе предметом специальных исследований, заметим только, что для аналогичных исследований важно знание учения логики о контексте.

В плане самых общих замечаний укажем также на роль логического контекста в раскрытии сценического образа. Чтобы правильно раскрыть сценический образ, необходимо сделать тщательный логический анализ контекста, вникнуть в смысл каждой фразы, каждого слова. К. С. Станиславский предлагал «анализировать фразы и вникать в их сущность. Не вникнув в нее, не скажешь правильной фразы»²¹.

В сценическом искусстве очень важно раскрытие анализа подтекста. По словам Станиславского, подтекст — внутренняя жизнь роли, «которая непрерывно течет под словами текста, все время оправдывая и оживляя их»²². Раскрытие подтекста и анализ логического контекста две неразрывные стороны творческой работы над ролью, над постановкой. Режиссер не только раскрывает логический контекст и подтекст, но и на их основе воссоздает физический контекст. Совместный учет подтекста, логического и физического контекстов и дает возможность правильно воплотить замысел автора в сценическом образе, в постановке.

Для относительно полной характеристики основных черт логического контекста необходимо указать также на то, что в раскрытии логического контекста часто существенную роль играет и *логическое ударение*. Однако анализ логического ударения является предметом особого исследования.

¹⁷ «Машинный перевод». М., ИЛ., 1957, стр. 280.

¹⁸ Там же, стр. 281.

¹⁹ См. «Вопросы языкознания», 1960, № 2.

²⁰ Об этом см. Г. В. Колшанский. О природе контекста. «Вопросы языкознания», 1959, № 4.

²¹ К. С. Станиславский. Работа актера над собой. М., «Искусство», 1951, стр. 505.

²² Там же, стр. 492.